

Исторические аспекты договора найма при строительстве жилища у народов Мордовии

Л. Н. Щанкина

доктор исторических наук, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин
РЭУ им. Г. В. Плеханова.

Адрес: ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова»
117997, Москва, Стремянный пер., д. 36.
E-mail: schanckina@yandex.ru

Historical Aspects of the Contract of Employment in the Construction of Housing of the Mordovian People

L. N. Shchankina

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Civil Legal Disciplines of the PRUE.

Address: Plekhanov Russian University of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.

E-mail: schanckina@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению исторических, этнокультурных и правовых аспектов договора найма, заключаемого при строительстве жилища у народов, проживающих на территории Республики Мордовия, в частности у мордовского, русского и татарского населения данного региона. Основой статьи послужили опубликованные и полевые материалы, собранные автором статьи во время этнографических экспедиций в отдаленных районах Мордовии. Рассмотрение данного вопроса определено автором в хронологическом порядке и охватывает вторую половину XIX в. и заканчивается современным периодом.

Особенность обычая взаимопомощи, тем более в период экономической стагнации деревенского уклада жизни, осложненной достаточно тяжелой демографической ситуацией, а также продолжающейся урбанизацией, заключается в том, что он сформировал у народов Мордовии целый комплекс морально-этических ценностей и правил поведения, а межличностные договорные связи стали спасательным кругом для сельчан и надежной точкой опоры. Это альтернативный законодательному способ правового регулирования, заключающийся в выборе приемлемых и привычных средств решения проблем, а также компенсация отсутствия иных, более предпочтительных и эффективных приемов регулирования повседневных вопросов сельского быта, в том числе связанного со строительством.

Ключевые слова: Республика Мордовия, договор найма, соседская и родственная взаимопомощь, обычное право, традиция, мордва, русские, татары-мишари, строительство, промыслы, ремесла, межличностные договорные связи, соглашения.

Abstract

The article discusses the historical, ethno-cultural and legal aspects of a contract of employment in the construction of housing for people living in the territory of the Republic of Mordovia, in particular Mordovians, Russians and Tatars. The article is based on the materials published and collected by the author during ethnographic expeditions in remote areas of Mordovia. The study of this issue is carried out by the author in chronological order and covers the second half of the XIX century and ends at the current period. The peculiarity of mutual aid, especially in the period of economic stagnation of the village lifestyle, complicated by a rather difficult demographic situation, as well as continued urbanization, lies in the fact that it formed a whole complex of moral and ethical values and rules of behavior among the peoples of Mordovia, and interpersonal contractual relations became a lifebuoy for villagers and reliable point of support. This is an alternative form of legal regulation, consisting in the selection of acceptable and customary means of solving problems, as well as compensation for the absence of more preferable and effective methods of everyday life-regulating, including those related to construction.

Keywords: Republic of Mordovia, lease, neighbor and family assistance, customary law, tradition, Mordva, Russians, Tatars-Mishars, construction, Handicrafts, Handicrafts, interpersonal contractual arrangements of the agreement.

С давних пор у большинства этносов России существовал обычай коллективной помощи друг другу в различных работах. Родственники, соседи и односельчане оказывали помощь при строительстве или ремонте дома, в сельскохозяйственных и домашних делах, после стихийного бедствия, при проведении свадеб и других торжеств, а также на похоронах и поминках. Традиционный обычай соседской или родственной взаимопомощи был широко распространен на территории мордовского края. Так, в сельских поселениях Мордовии и сейчас путем договора разрешаются проблемы, связанные не только с возведением дома, но и с ведением сельского хозяйства и множеством возникающих в повседневном быту забот.

Демографическую основу современного села составляют пожилые женщины, в связи с этим многие мелкие хозяйственные потребности требуют привлечения дополнительных, преимущественно мужских, рук. По словам одиноких респондентов, часто приходится прибегать к найму односельчан в оказании им какой-либо помощи (кому-то надо поправить забор или изгородь, кому-то – печку и т. д.). При описании всего спектра оказываемых односельчанам договорных услуг слова «помогает», «помощь» (в переводе на мордовские языки – посабляма, йалгакс; в переводе на татарский язык – пумыч) часто звучат из уст сельских жителей. Следует отметить, что «помощь» не всегда предполагает обязательную безвозмездность: она компенсируется либо деньгами, либо угощением, либо ответной «помощью» и добрыми соседскими или родственными отношениями. М. О. Косвен указывал, что в помочах неукоснительно участвовали все семьи, если одна из них планировала какую-нибудь работу, для которой ее сил было недостаточно [3. – С. 198]. Такой обычай оказывал воспитательное значение на подрастающее поколение, при этом передавались и перенимались знания и социальный опыт. Во взаимопомощи все стремились показать себя с лучшей стороны. При работе «всем миром» молодежь приглядывала себе пару, а родители имели возможность оценить по достоинству потенциальных женихов и невест для своих детей. Здесь вырабатывалось чувство общности, единства, что при неразвитых капиталистических отношениях было залогом благополучия. В результате совместного труда люди получали глубокое моральное удовлетворение, и он был не в тягость, а как бы приобретал форму

досуга, вызывая приподнятое праздничное настроение. Таким образом, вырабатывался определенный стереотип поведения в социуме.

Строительство – одна из сфер применения опыта переговоров и заключения соглашений, в котором переплетаются два вида договорных отношений – найма и «помощи». С одной стороны, существуют специальные бригады строителей (плотников), подряжающихся на работу за определенную, предварительно оговоренную плату. С другой стороны, при возведении дома помимо найма специалистов сельчане прибегают к помощи родственников и соседей. Обе разновидности договоренностей имеют свои особенности [4. – С. 61].

В большинстве случаев при строительстве дома в первую очередь все надеялись на своих близких родственников. Традиция собирать «помощь» из родственников и соседей сохранилась в основном в крупных селах, где ведется строительство. Интересно то, что в помощь вовлекается и городское население: многие сельчане переселились в города, но, несмотря на новый социальный статус, продолжают поддерживать оставшихся в селе родных, причем как трудом, так и строительными материалами [4. – С. 62].

Согласно собранным сведениям, традиция строить дом «миром» была развита повсеместно у всех народов, проживающих на территории Мордовии. В. Н. Майнов еще в XIX в. в монографии «Очерки юридического быта мордвы» подробно описал проведение у мордовского населения йалгакс («подружье») – обычая взаимопомощи по праву соседства. Хозяин, которому требовалась помощь односельчан (из-за сроков уборки, погоды или безденежья), приглашал «мир» на йалгакс. Никто в этом случае не смел отказать (иначе в другой раз односельчане будут вправе отказать в помощи этому человеку). Хозяева с вечера перед назначенным днем начинали готовить (по возможности) сытное и обильное угощение: пуре (брага); пироги с зайчатиной; яичницы с разными начинками (мясо, сало, лук и др.), лапшу, отваренную на молоке или жареную с маслом и сметаной, и т. д.

Рано утром, перед восходом солнца, хозяин, пригласивший всех на йалгакс, зажигал особую (родовую) свечу озкс-штатол («молельная свеча») и молился вместе с семьей и соседями, затем начинались сами помочи. Весь день хозяева должны уговаривать помочан съесть то или иное блюдо и подносили напиток, а те должны цере-

монно отказываться и утверждать, что пришли работать. Если хозяева были жадными и нехлебосольными, к ним на следующие помочи шли неохотно. Помочи устраивали лишь вследствие нарочитого созыва, формула которого такая: «...приходите, просим вас, на нашем поле хлеба-соли откушать» [6. – С. 183, 279–280].

Отметим, что плотничьим ремеслом в конце XIX в. в условиях замкнутого натурального хозяйства у мордвы владел почти каждый мужчина. Так, С. Комаров сообщал, что в Ардатовском уезде все плотничные работы при постройке срубов знали сами крестьяне, и редко в них участвовал плотник-профессионал. Н. Секторов, характеризуя мордву Инсарского уезда, писал, что свои деревянные дома хозяева строили и отделывали в основном сами [7. – С. 193]. А. Ф. Ритих во второй половине XIX в. подчеркивал у мордвы способности к плотничеству [12. – С. 221].

Широкое распространение плотничьего ремесла, передававшегося от поколения к поколению, было вызвано насущной необходимостью вести промысловую деятельность, в частности отходничество, из-за малоземелья и бедности крестьян [5. – С. 63]. Например, только в 1889 г. в Ардатовском уезде Нижегородской губернии (ныне Республики Мордовия) в лесных работах (рубке, перевозке и продаже строительных материалов) принимали участие 3 425 работников, из них местных пильщиков – 161 человек (отхожих 830), местных плотников – 202 (отхожих 839). В целом в Нижегородской губернии в четырех уездах (Ардатовском, Макарьевском, Семеновском, Горбатовском) лесными работами были заняты 9 641 и 1 767 местных плотников и пильщиков. Общее же число населения Нижегородской губернии, занятого заготовкой леса и обработкой дерева, достигало 38 340 человек [10. – С. 25]. По подворной переписи за 1913 г., в Инсарском уезде в деревне Ушлейка насчитывалось 15 плотников, в селе Камакужа – 6, в деревне Хитровка – 3 плотника [11. – С. 92–140].

Как правило, строительство в мордовских селениях вели либо местные плотники, либо, за неимением их в селе, плотники из близлежащих русских или мордовских селений. Например, в селе Анаево Зубово-Полянского района многие избы построили плотники из села Хилково Торбеевского района (оно находится в 40 км от села Анаево). Известными были плотники мокшанских деревень Вязовка Торбеевского района и Старое

Дракино Ковылкинского района [1. – С. 163]. Информаторы из села Мордовские Парки Краснослободского района квалифицированными специалистами называли Павла Циндяйкина и Ивана Базаркина (у последнего было прозвище «Тайга»). В Краснослободском районе в селе Колопино известной была бригада Вельмискиных из пяти человек. Кроме того, строить дома приглашали русских плотников из села Авгура, Сивинь, Мордовские Полянки и даже из города Самары и казанских татар [8. – Л. 119; 9. – Л. 209]; в село Старое Синдрово – русских из села Сивинь. В Рузаевском районе плотники из села Сузгарье строили дома в городе Рузаевке, селах Перхляй и Левжа. Наиболее хорошими специалистами считались Иван Максимович Дорожкин, Федор Максимович Дорожкин, Николай Васильевич Нестеркин, Илья Матвеевич Князьков, Виктор Матвеевич Князьков. Часто целое мордовское селение занималось плотничьим ремеслом – это эрзянские села Налитово в Атяшевском районе, Андреевка и Низовка в Ардатовском районе и т. д. [7. – С. 194]. Мордовские плотники могли заимствовать у русских разные строительные приемы, использовали и местные традиции при рубке, окончательной отделке или оформлении жилища.

В татарских селах Мордовии, по сведениям информантов, строить избу приглашали плотников из соседних мордовских и русских сел, поскольку среди татар-мишарей было мало таких специалистов. Внутренней и наружной же отделкой занимались на помочах односельчане, потому что мордовские и русские плотники «не умели работать на татарский вкус». Исследователь материальной культуры казанских татар Н. И. Воробьев еще в начале XX в. писал: «...сами хозяева – татары – по возможности предпочитали, чтобы избы рубили русские мастера, – у них срубы получались плотнее, а все остальное, особенно предметы интерьера, делали татарские плотники, учитывающие национальную специфику» [2. – С. 166]. Респондент У. Х. Сухова из села Новое Кадышево Ельниковского района Республики Мордовия рассказала, что мишари приглашали плотников из мордовского села Мордовские Полянки, а односельчан – укладывать мох. В село Верхний Урледим Рузаевского района плотники приезжали из мордовских сел Новлей Инсарского района, Мордовская Пишля и Палаевка Рузаевского района; в село Пензятка Лямбирского района – из мордовского села Перхляй Рузаев-

ского района. Были и свои мастера – А. Байби-ков, Г. Баляев, А. Кадикин, А. Коняев, У. Пикаев, Х. Якушкин, которые в основном занимались изготовлением оконных рам и наличников. Если в татарских селах на территории Мордовии в большинстве случаев строительством домов занимались мордва и русские, то в Казани, например, дома возводили сами татары, считавшиеся профессионалами своего дела (возводили мечети, дома и т. д.) [13. – С. 181]. Их мастерство и трудолюбие вызывали уважение у соседних народов. Еще в первой половине XIX в., по замечанию К. Ф. Фукса, татарские плотники часто строили деревянные дома в русских деревнях [15. – С. 9].

Русскому населению Мордовии также была присуща коллективная взаимопомощь при трудоемких работах, особенно при строительстве жилища. Мальчики с 12–14 лет приучались к строительному делу, поэтому почти во многих селениях часто хозяин мог срубить избу или сделать ремонт хозяйственных построек. Оказываемая взаимопомощь имела половое разделение труда. По словам респондентов из Теньгушевского и Чамзинского районов, при этом сборку сруба выполняли обычно мужчины, а мох и паклю между бревен укладывали женщины, они же готовили пищу и накрывали стол.

Согласно полевым материалам, собранным в 2003–2008 гг. в русских населенных пунктах Мордовии, возведением жилых и хозяйственных построек также занимается местное русское население. Например, хорошим плотником в селе Ефаево Краснослободского района считался П. Е. Борисов, который делал наличники для односельчан; в селе Русское Маскино Краснослободского района – В. Я. Козин, А. И. Муриков, И. И. Маркин, Д. Д. Ярмин, П. Д. Ярмин. Несмотря на то, что плотники имелись почти в каждой деревне, со стороны их так же нанимали. Например, в село Селищи Краснослободского района приезжали мордовские плотники из Атюрьевского и Теньгушевского районов.

Украинское население, переселившееся на территорию Мордовии, также устраивало помочи. Помогать приходили, принося свои орудия труда – лопаты, вилы, носилки, ведра. Если помочи устраивал погорелец или кто-то из бедняков, то приносили строительные материалы (по возможности) и еду. Родственники приходили на них обязательно. Тому, кто пришел первым, хозяин подносил стакан освященной воды (или спиртной

напиток) и кусок хлеба, в ответ тот говорил благопожелания хозяевам. По поверью, счастье с этого момента должно быть и у хозяина, и у пожелавшего его [14. – С. 194–195].

Повсеместно помочи могли собираться трижды: первые, когда закладывали фундамент, второй раз, если строили деревянный дом, когда возводили стены дома, и в третий раз, когда штукатурили дом. Следует отметить, что при строительстве кирпичного дома помощь не собирают, поскольку тогда требовались квалифицированные специалисты. В первых трех случаях помощь односельчан не оплачивалась, но ее участников обязательно 2–3 раза в день кормили и угощали спиртными напитками.

Строительство дома всегда сопровождается выпивкой. «У печника – дымовая, у плотника – магарыч». Вообще понятие «магарыч» сельские жители чаще всего связывают именно со строительством. В отличие от обычного застолья магарыч имеет и иной смысл – это неотъемлемая составляющая трудового процесса и обязательное условие соглашения, символически скрепляющее его [4. – С. 63].

Повсеместно, по рассказам респондентов, большое значение при выборе строителей имела их репутация. Особенно ценился точный глазомер. «Он руками отмерит, отрежет, примерит – как тут и было», – говорили о хорошем плотнике. Перед началом строительства люди узнавали друг от друга, какая бригада лучше работала и по приемлемой цене. Хотя сегодня в местной периодической печати публикуются объявления, рекламирующие ту или иную строительную компанию, сельчане до сих пор продолжают пользоваться проверенным и, по их мнению, более надежным методом поиска необходимой информации – через цепочку личных связей [4. – С. 61].

Перед началом строительства заказчик-хозяин и исполнители в лице бригадира предварительно оговаривали условия сделки. Как правило, это был устный договор, который заключался при свидетелях – соседях или родственниках. Торг обычно длился в течение нескольких минут. Задаток не принято было давать, и в ходе строительства хозяин с исполнителями расплачивался преимущественно по частям. По словам многих строителей, если ранее заключение сделки происходило в устной форме, то сейчас строители дают хозяину расписки с указанием полученных сумм денег.

Кроме предварительно оговоренной заработной платы, плотников было принято угощать. От качества пищи часто зависела добросовестность выполнения работ. Зафиксировано множество случаев, когда плотники оставались недовольны угощением и могли специально навредить хозяину дома – неровно подогнать доски, плохо настелить потолок и т. д. Согласно собранным полевым материалам, в районах Мордовии плотников и помощников обязательно хорошо угощали перед началом работы и после постройки дома. В русских селениях Теньгушевского и Чамзинского районов стол с разнообразной едой накрывали несколько раз, причем перед настилением полов после укладки четвертого звена его ставили в центре сруба. В татарской деревне Суркино Лямбирского района, когда укладывали нижние и верхние венцы сруба, обязательно угощали плотников брагой, чтобы начало и окончание работы были удачными; в селе Кочетовка Зубово-Полянского района – маслом и медом, чтобы хозяева жили богато в новом доме. Кроме названного подавали вареное мясо, домашнюю лапшу, овсяный кисель и квас [ПМА: Немишев]. Татары-мишари в селе Большой Шуструй Атюрьевского района кроме оговоренной с плотниками суммы денег по возможности одаривали их рубашками и полотенцами. Односельчан также старались хорошо угостить, чтобы все остались довольны, поскольку, следуя традиционным воззрениям, это вело к благополучной жизни в новом доме.

Умелые плотники, как и печники, наделялись особыми (иногда даже колдовскими) способностями в сознании односельчан. Так, в русском селе Красино Дубенского района информатор рассказала следующий случай: плотники, которые остались недовольны хозяином, сделали так, что по вечерам на чердаке что-то стучало, и в проеме двери возникали две белые тени. Хозяин не выдержал и продал этот дом. Предполагалось, что колдовские действия плотники могли осуществить при укладке второго ряда бревен. Подобное мнение можно было услышать довольно часто. В селе Воеводское Кочкуровского района, по рассказу плотника Н. М. Тюлюкова, при рубке дома, желая навредить хлебопечному хозяину, в паз между бревнами клали щепку, это якобы должно было вызывать в доме шум по ночам. В целом плотников уважали и старались им угодить. К хорошим плотникам относились с почтением, и их имена были широко из-

вестны, а построенные ими дома стоят десятки лет.

Подобные случаи зафиксированы и в других регионах России. Например, согласно рассказу С. С. Крюковой, плотники часто наказывали хозяина за скупость. История о тухлых яйцах, якобы подкладываемых строителями в стены дома или фундамент с целью наказания хозяина, приобрела характер некой легенды, передающейся из уст в уста. Хотя были и реальные случаи: плотники наказывали жадного заказчика доступным им способом: когда нужно было положить поперечные балки на потолок, произошел конфликт с хозяином, и один из плотников, пока остальные обедали, укоротил приготовленный смерок на полметра. В результате короткие балки проваливались, и хозяин был вынужден купить новый лес [4. – С. 62].

Расторжение договора происходит крайне редко, лишь если заказчика не устраивают качество работ и профессионализм строителей, тогда он отказывается от услуг плотников [4. – С. 61–62], и их работа, естественно, не оплачивается.

Таким образом, в сельской местности бытовало и в настоящее время функционирует множество внутренних связей сельского социума, взаимодействие которых осуществляется путем договора. Неформальные соглашения и обязательства, а также сформировавшиеся веками правила вырабатывались самой деревней в соответствии с условиями жизнедеятельности этносов и во многом обуславливались хозяйственными потребностями жителей. Интенсивность заключения договорных соглашений и исполнение договора напрямую зависели как от местоположения и величины села, так и его экономической активности. В основе договора лежат взаимопомощь и обмен, при этом обмен далеко не всегда предполагает оборот материальных ценностей. Существенную роль играет обмен отношениями – добрыми или недобрыми, мирными или конфликтными. Граница между дозволенным и недозволенным в представлениях сельчан достаточно четкая, ее нарушение чревато обратным действием – возвратом того зла, которое тыносишь. Договор регулирует решение не только экономических вопросов, он применяется практически во всех сферах деревенской жизни: принцип взаимности, обменно-возвратный характер связей распространяется на всю совокупность коммуникаций в сельском сообществе, отражаясь в лаконичной формулировке старой народной

мудрости: «Что посеешь, то и пожнешь». От частных отношений зависит судьба всех последующих контактов отдельных звеньев в общей цепочке связей в деревне [4. – С. 63]. После оказания кому-либо помощи не принято жаловаться, что хозяева не отблагодарили или что напрасно потрачены силы и средства; также неприлично напоминать об оказанной услуге, упрекать за это или сожалеть не только хозяевам, но и третьим лицам. Также неприлично хвастаться своими способностями на помочах.

В системе локального проживания, где межличностное общение оказывается очень тесным, реализация договора обеспечивается силой коллективного убеждения в необходимости выполнения его условий. Таким образом, соблюдение взаимных обязательств подкрепляется не буквой закона, а прежде всего комбинацией межличностных и коллективных механизмов регулирования отношений. Собственно юридические способы обеспечения исполнения подобных соглашений применяются редко и лишь в ситуации крайне обостренного конфликта.

Список литературы

1. Белицер В. Н. Жилые и хозяйственные постройки мордвы-мокши на территории Мордовской АССР в конце XIX – первой половине XX вв. // Исследования по материальной культуре мордовского народа : труды Мордовской этнографической экспедиции. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – Вып. 2. – С. 161–191.
2. Воробьев Н. И. Материальная культура казанских татар (опыт этнографического исследования). – Казань : Татиздат, 1953.
3. Косвен М. О. Семейная община и патронимия. – М. : Изд-во АН СССР, 1963.
4. Крюкова С. С. Договор в обычном праве современной деревни России // Полевые исследования института этнологии и антропологии : сборник статей. – М. : Наука, 2006. – С. 50–77.
5. Лузгин А. С. Жизнь промыслов: промысловая деятельность крестьян Мордовии во второй половине XIX – начале XX в. (этнокультурные аспекты). – Саранск: Мордовское книжное издательство, 2007.
6. Майнов В. Н. Очерк юридического быта мордвы. – СПб. : Типография МВД, 1885.
7. Макушин Н. П. Современное эрзянское жилище на территории Мордовской АССР // Исследования по материальной культуре мордовского народа : труды Мордовской этнографической экспедиции. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – Вып. 2. – С. 192–209.
8. НА НИИГН. И-219. Оп.1. Отчет о работе и другие материалы Мордовской историко-этнографической экспедиции 1955 г. под руководством В. Н. Белицер.
9. НА НИИГН. И-221. Оп. 1. Отчет о работе этнографической экспедиции 1955 г. и этнографические карточки, составленные Макушиным и Глухой.
10. Плотников М. А. Кустарные промыслы Нижегородской губернии. – Нижний Новгород : Типография Ройскаго и Душина, 1894.
11. Подворная перепись крестьянского хозяйства. Инсарский уезд. – Пенза, 1913. – Вып. 5.
12. Риттих А. Ф. Материалы для этнографии России. Казанская губерния. – Казань : Типография Императорского Казанского университета, 1870. – Ч. 1.
13. Татары. – М. : Наука, 2001.
14. Украинцы. – М. : Наука, 2000.
15. Фукс К. Ф. Казанские татары в статистических и этнографических отношениях. – Казань : Университетская типография, 1844.